

Письма князя Дмитрія Александровича Хилкова¹⁾ къ Н. В. Ковалеву.²⁾

I.

6 Сентября 1909 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ Ваше письмо нѣсколько дней тому назадъ, да не отвѣчалъ, такъ какъ

¹⁾ Читатели писемъ князя Д. А. Хилкова, напечатанныхъ нами въ прошломъ году, не могли не обратить вниманія на то, что ореографія автора писемъ отличается нѣкоторымъ своеобразиемъ: такъ, напр., мы нерѣдко встрѣчаемъ у него довольно необычное употребленіе заглавныхъ буквъ, кавычекъ, а также замѣну точкой другихъ знаковъ препинанія и проч. Тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ, съ этой оговоркой, оставить неприкосновенной ореографію автора, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, гдѣ сохраненіе ея слишкомъ рѣзало бы глаза, а иногда могло бы вызвать недоумѣнія и относительно смысла рѣчи. *М. Н.*

²⁾ Н. В. Ковалевъ, къ которому адресованы печатаемая здѣсь письма князя Д. А. Хилкова, въ настоящее время прапорщикъ русской арміи. Родомъ крестьянинъ, Н. В.—чъ окончилъ курсъ сельско-хозяйственнаго училища, жилъ въ деревнѣ, занимаясь крестьянской работой: пахалъ, сѣялъ, ухаживалъ за скотомъ; служилъ на желѣзной дорогѣ и на сахарномъ заводѣ; занимался шелководствомъ и садоводствомъ; работалъ на молочной фермѣ и т. д. — Еще юношей Н. В.—чъ много читалъ по религиознымъ вопросамъ: Паскаля, Л. Толстого, Вл. Соловьева, Добролюбіе и др. Особенно сильное влияніе на Н. В.—ча оказало религиозное ученіе Толстого. „Я принялъ умомъ непротавленіе“ — говорить онъ, — „его и можно принять только умомъ; принятое сердцемъ, уже будетъ христіанство“. Однако истиннаго утоленія своей религиозной жажды, Н. В.—чъ въ ученіи Толстого не нашелъ. Встрѣча съ княземъ Д. А. Хилковымъ имѣла рѣшающее значеніе въ жизни Н. В.—ча: въ немъ, по его словамъ, встрѣтилъ онъ „настоящую, живую, искреннюю, благородную душу, рѣдкую и святую“; „прн этомъ“, — пишетъ онъ, — „произошла перемѣна въ моихъ взглядахъ на школу, на государство, на Государя и проч.“. — Призванный на военную службу, Н. В.—чъ служилъ въ гвардіи стрѣлькомъ, затѣмъ ефрейторомъ и унтеръ-офицеромъ; въ настоящее время онъ получаетъ первый офицерскій чинъ и находится въ рядахъ дѣйствующей арміи. *М. Н.*

сильно нездоровилось. Да и теперь еще не совсѣмъ поправился и не знаю, удовлетворить ли Васъ мое письмо.

Мнѣ кажется, что главная причина Вашего духовнаго „недомоганія“ въ томъ, что Вы непременно требуете рациональнаго объясненія и рациональной санкціи явленіямъ жизни. Вы, какъ будто, раньше, чѣмъ „такъ ступить“, прикидываете: хорошо ли это, или дурно. Разумно или неразумно.

Такое настроеніе очень „похвально“ въ теоріи, но для жизни непригодно.

Я думаю, что при такомъ настроеніи, строго и логически проведенномъ, никуда не прійдешь, кромѣ какъ къ отрицанію жизни и самоубійству.

Какъ же быть? Неужели же жить „иррационально“? Нѣтъ, нуженъ принципъ поведенія. Но откуда его взять? Я думаю, что этотъ принципъ долженъ вытекать изъ 1) природы человѣка, 2) вѣдній разума. Или другими словами—изъ индивидуальнаго міровоззрѣнія человѣка.

Тутъ три фактора: 1) я, 2) мое мѣсто въ мірѣ, 3) мой взглядъ на міръ.

Объективно нѣтъ добра и зла, но субъективно есть и то и другое. И опредѣляется это добро и зло не столько разумомъ, сколько природой даннаго лица.

Каждый человѣкъ носитъ въ себѣ представленіе, чувство и инстинктъ высшаго, доступнаго ему, свѣта и добра.

Это и есть его Богъ, и другого, пока онъ на землѣ, онъ знать не можетъ. Подобожщее отношеніе къ этому своему свѣту и есть религія человѣка—и другой нѣтъ на землѣ.

Теперь, разумъ часто склоненъ „отнять“ религію у человѣка—представить этотъ „свой“ свѣтъ суевѣріемъ и предразсудкомъ. И горе человѣку, если онъ останется безъ *своихъ* „суевѣрій и предразсудковъ“.

Тогда вѣдь у него не будетъ и своего принципа поведенія.

Кромѣ того, „развиваться“ человѣкъ можетъ только въ свойственной его личной природѣ обстановкѣ.

И вотъ, почему — если Вамъ улыбается быть экономомъ, то это значить, что это положеніе Вамъ сродни. Но это не значить, что Вамъ нужно застрять въ экономахъ, или что положеніе эконома нужно для всякаго.

Нѣтъ такого „положенія“ на землѣ, которое было бы без-

упречно разумно, ибо и сама жизнь на судъ у разума должна спасовать, и только защитима съ точки зрѣнія самой жизни, т. е. не въ роли подсудимой, а въ роли господина и судьи. Я вспоминаю, что въ Ваши лѣта все хотѣлъ быть гусаромъ— и былъ имъ. Но изъ этого не вытекало и не вытекло, что мнѣ надо было оставаться гусаромъ всю жизнь.

Законы Духа вкраплены въ законы физики, законы личной природы, и развиваться могутъ только въ согласіи съ этими законами природы. Внѣ тѣла человѣкъ на землѣ не можетъ духовно развиваться.

Если вамъ скучно—пишите мнѣ. Пока до свиданья. Ванна мнѣ теперь не нужна.

Крѣпко жму руку.

Д. Х.

II.

22 Сентября 1909 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письмо Ваше получилъ и постараюсь отвѣтить на Ваши вопросы, хотя въ письмѣ коротко отвѣтить довольно-таки трудно, ибо вопросы Ваши обнимаютъ всю жизнь, и отвѣтить на нихъ значитъ опредѣлить смыслъ жизни.

„Куда уходитъ духъ человѣка при старости?“

Я думаю, что не духъ слабѣетъ, а разумъ или рассудокъ. Два полюса—дѣтство и старость—характеризуются слабостью разума. „Если не будете какъ дѣти“ и т. д. Еще говорятъ про стариковъ: „онъ впалъ въ дѣтство“.

Апостоль Іоаннь въ старости лепеталъ: „Любите другъ друга“, и больше ничего. Почему и для чего—онъ не говорилъ. Разумныхъ основаній не представлялъ, а прямо высказывалъ, безъ доказательствъ, то, что чувствовалъ нужнымъ.

Это манера „дѣтская“. Она не знаменуетъ упадка духа, а знаменуетъ упадокъ разума или схождение съ того пути, который свойственъ разуму: путь „доказательный“. Объективное добро и объективное зло если и существуютъ, то людямъ не дано ихъ знать (Бога никто не видѣлъ никогда). Опредѣленія добра и зла мѣняются, но путь достиженія остается однимъ и тѣмъ же, и вотъ про *путь* можно сказать, что онъ одинъ съ сотворенія міра, но на этомъ пути открываются все новыя и новыя представленія о конкретномъ добрѣ и

злѣ, и потому говорятъ, что они субъективны, ибо каждый человѣкъ стоитъ на своей точкѣ и иначе видитъ добро и зло.

Всякій человѣкъ бессознательно тянется къ тому, что ему свойственно. Обстановка очень важна, но это не значитъ, что человѣкъ не долженъ — и при неблагоприятной обстановкѣ — „вести свою линію“. Смотрите на неблагоприятную обстановку, какъ на экзамень, который надо выдержать. Старайтесь проникнуть сквозь толщу человѣческой глупости и идиотизма — до человѣка. Вооружитесь духовнымъ (или психологическимъ) микроскопомъ, и рассмотрите въ „букашкѣ“ — Божью тварь. И я думаю, что раньше, чѣмъ помогать людямъ, надо „самому утвердиться“. Помните сказку Толстого „Крестникъ?“ Психологически она безукоризненно вѣрно изображаетъ жизнь всякаго человѣка.

Всякій человѣкъ, начавшій жить человѣческой жизнью, *долженъ* пережить ступени—задачи, пережитыя Крестникомъ. Но, конечно, не всякій, въ одну жизнь ¹⁾, переживаетъ, всѣ три ступени.

Иначе можно было бы еще сказать, но въ письмѣ трудно, ибо надо все „сжимать“ до сухости „мудрыхъ изреченій“, которыя иногда выходятъ скучными и малоубѣдительными.

Въ началѣ октября думаю поѣхать въ Петербургъ. Если будете дома, то зайдите около Покрова, — я думаю, еще застанете.

Всего хорошаго.

Крѣпко жму руку.

Д. Х.

III.

27 Ноября 1910 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ оба Ваши письма и теперь, зная Вашъ адресъ, сажусь отвѣчать.

Изъ Вашего письма вижу, что пока все очень хорошо, и я этому очень радъ.

Радъ Вашей рѣшимости быть хорошимъ солдатомъ. Это—уже половина успѣха. Радъ, что старые солдаты встрѣтили Васъ радушно. Это облегчить и скрасить первое — самое

¹⁾ Этотъ намекъ князя на возможность перевоплощенія („карма“) обусловленъ временнымъ увлеченіемъ его ученіемъ Оригена. См. первый выпускъ „Писемъ кн. Д. А. Хилкова“, стр. 76, 78, 79 и 118

трудное — время. А тамъ привыкнете, а главное — увидите, что, дѣйствительно, военная „семья“, военные товарищи — самые лучшіе. Я не говорю и не хочу сказать, что казармы — рай, а солдаты — ангелы. Нѣтъ, я сравниваю казарму съ земными учрежденіями, и говорю — она лучше. А главное — полезнѣе для молодого человѣка.

И если что можетъ еще спасти развращенную молодежь, то именно казарма. Мнѣ больше всего претитъ въ современномъ воспитаніи — разгильдяйство. И уменъ человѣкъ, и много знаетъ, а поди же: ни себѣ, ни другимъ. Почему? Я думаю, что потому, что распустился. Не влагаетъ собой. А не влагаетъ собой потому, что нѣтъ *чувства* долга, *чувства* обязанности, *чувства* отвѣтственности. Наконецъ, чувства чего-то Высшаго, которому надо служить. И вотъ, въ военной средѣ воспитываютъ такія чувства, и, кто не окончательно погибъ, тотъ можетъ ожить.

Въ гимназіяхъ учатъ про Спартанца и Лисицу ¹⁾. Но это ни къ чему, т. к. никакой лисицы у гимназиста нѣтъ, и его не учатъ тому, какія нынѣ она приняла формы. Ну а въ военной средѣ учатъ. Помните: „На Шипкѣ все спокойно“. Тамъ „Лисицей“ былъ морозъ, снѣгъ, голодъ. А люди терпѣли.

Да, вотъ, и у Васъ есть Лисица. Это — думы о семьѣ. Да, вѣдь, не Вы одинъ. У многихъ есть эта Лисица, гложущая сердце.

Ну, да. И если хотите стать „мужемъ“ — терпите во имя высшаго, т. е. высшаго сравнительно съ личными заботами и личнымъ горемъ. Вспоминайте Кондратенку, Макарова и др. И у нихъ вѣдь были семьи.

Я убѣжденъ, что съ семьей Вашей все будетъ благополучно. Вы напишите женѣ, чтобы, въ случаѣ чего, написала мнѣ. Что могу, сдѣлаю. Я убѣжденъ, что ничего не понадобится, и пишу это больше для того, чтобы Вы не безпокоились.

Книжку по садоводству — цвѣтоводству пришлю.

¹⁾ Извѣстный рассказъ о молодомъ спартанцѣ, укравшемъ лисицу, который, боясь быть пристыженнымъ, скрылъ ее на груди подъ платьемъ. Хотя она царапала и грызла ему грудь, онъ ничѣмъ не обнаружилъ передъ прохожими своихъ мученій. М. Н.

У насъ здѣсь таетъ, и почти нѣтъ снѣга. Въ полѣ видна земля. Мое здоровье плохо. Все неможется. Это уже такая у меня привычка—осенью болѣть. Но въ этомъ году горе усилило болѣзнь.

На дняхъ прочелъ хорошую книжку, свѣжую, бодрую и бодрящую. Переводъ съ англійскаго. „Вѣлое безмолвіе“—Джека Лондона (80 к.) Не знаю, читали-ли Вы его же „Исторію одной собаки“. И послѣ Андреева и др. это похоже на то, какъ изъ богадѣльни (для убогихъ и сирыхъ и нищихъ) и больницы попалъ — ну, хоть бы, въ Джунгли. Въ лѣсъ свѣжий, ароматный или... на Шипку! На Шипкѣ тоже умирали, только не отъ болѣзни, а отъ здоровья. Не отъ слабости—а отъ силы. Не пѣли унылыя пѣсни, а пѣли пѣснь побѣдную! Ну, будетъ. Всего хорошаго.

Жму руку.

Д. Х.

IV.

1 Января 1911 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ Ваше письмо. Поздравляю съ Н. Г. и желаю всего лучшаго. Это 3-е письмо, которое пишу Вамъ. Думаю, что второе не дошло, т. к. не написалъ „3-ій Стр. Полкъ“, а просто „Стрѣлк. Полкъ“. Ну, можетъ, еще дойдетъ.

Я очень радъ, что Вы начинаете „оживаться“ въ новой обстановкѣ и средѣ, и, главное, радъ, что Вы начинаете на дѣлѣ ощущать ея пользу и цѣнность для себя. Научитесь повиноваться, и тогда будете способны командовать. Будите въ товарищахъ лучшія чувства: долга и службы не страха ради, а по совѣсти. Смотрите на свой взводъ, роту, батальонъ и полкъ—какъ на „рыцарскій орденъ“ или содружество. И тутъ умѣстенъ и аскетизмъ, и „чистая жизнь“. Помните, что вы всѣ на стражѣ Россіи и своихъ семей. Взглядъ на военныхъ, какъ на „разгульное“ сборище, самое противное и вредное какъ для дисциплины, такъ и для военнаго дѣла вообще. Будьте строги къ себѣ, и тогда подчиненные (которые будутъ у Васъ въ свое время) не только простятъ, но рады будутъ Вашей строгости по отношенію къ нимъ.

И я думаю, что въ этомъ вся суть не только военнаго, но и всякаго дѣла.

Вы пишете, что мало времени „учиться“. Да, Боже мой! Вы, вѣдь, все время учитесь, и учитесь самымъ важнымъ и нужнымъ дѣламъ. Учитесь держать себя въ рукахъ, не распускаться. Быть строгимъ и твердымъ по отношенію къ своимъ обязанностямъ. И стрѣлять научитесь: только до щенетильности исполняйте указанія своихъ учителей. Всѣ приемы выработаны практикой, и надо только строго ихъ придерживать.

Помните, мы говорили о потѣшныхъ ротахъ? Не помню, указываль-ли я Вамъ на одно важное обстоятельство: ихъ принято въ извѣстной средѣ ругать. А между тѣмъ „дѣтямъ“ онѣ нравятся. Я думаю, что дѣти инстинктивно чувствуютъ ихъ пользу, т. е. ихъ воспитательное значеніе. И вотъ, смотрите, какъ хорошо: Судьба Васъ послала на военную службу и тѣмъ дала Вамъ возможность и въ этомъ хорошемъ (по моему) дѣлѣ принять „знающее участіе“. Дала Вамъ возможность раньше того, что Вы будете „руководить“, самому пройти эту школу въ положеніи „руководимаго“. Да, вѣдь, это драгоцѣнное обстоятельство. Ибо, вѣдь, я не вѣрю, чтобы изъ плохого солдата вышелъ хорошій генераль.

Теперь нѣсколько словъ о текстахъ. Мѣ. XII, 31, 32 и, главное, Марка III, 30. Хула на первое и второе Лицо Св. Троицы великій грѣхъ, но Милосердіе Божіе тоже велико, и пока человѣкъ живъ духовно, онъ можетъ исправиться. Но если онъ затопчетъ въ себѣ Духа Святого и умретъ—его не будетъ, то кто можетъ его—не существующаго—простить? Напримѣръ: въ извѣстной средѣ не принято носить натѣльнаго креста. Человѣкъ ради мнѣнія другихъ не носитъ, хотя лично онъ на сей предметъ не имѣетъ указанія Духа Святого. Онъ, значить, снимаетъ крестъ по людскимъ „уговорамъ“ и доводамъ „разума“, „логики“ и т. п., онъ грѣшитъ противъ Св. Духа, Іоан. XVI, 33 и XIV, 27 и Посланіе: „Что *отра* побѣждаетъ міръ“. Я думаю, что все это относится къ вѣрѣ. Не въ смыслѣ „довѣрія“, а извѣстнаго религіознаго міровоззрѣнія, которое указываетъ человѣку, что въ Системѣ Мірозданія *нашъ* міръ занимаетъ не первое мѣсто, а есть часть цѣлаго. И еще указываетъ, что частности нашего міра, не вяжущіяся съ общей схемой,—отпадаютъ, не важны, не существуютъ, *побѣждены* съ этой общей и вѣчной точки зрѣнія. Іоан. XII, 25 — говорится о самоотреченіи, дохо-

дящемъ не только до отдачи тѣла, но и души ради „ближнихъ“.

Суть дисгармоніи, вносимой разумомъ, въ томъ, что до появленія разума Глава Жизни — есть Жизнь.—Жизнь, Господь, Богъ—Глава и Господинъ. На Него упованіе. Въ Немъ прибъжище. Съ появленіемъ разума—разумъ стремится занять мѣсто Господа. Люди ждуть спасенія отъ разума. Разумъ становится Главой Жизни. Появляются идолы и куміры—толпы. Господь „въ пренебреженіи“. Но на этомъ пути встаетъ передъ человѣкомъ „Смерть“. Смерть, не какъ простая переменъна „условіи жизни“, а какъ единая реальность и всеобщій конецъ всего.

Вотъ тутъ намѣчается задача: какъ, не отрекаясь отъ разума, сохранить *свое* дѣтское отношеніе къ жизни и Единому Подателю жизни. „Если не будете какъ дѣти, не войдете въ Царствіе Небесное“.

Другими словами: побъждайте разумъ и заставьте его служить Господу и Его путямъ.

Вы это обдумайте. Пока прощайте. Всего хорошаго.

Жму руку.

Д. Х.

V.

14 Февраля 1911 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, получилъ Ваше письмо отъ 11 Января. Я очень радъ, что служба у Васъ протекаетъ успѣшно, и радъ, что Вы на нее смотрите такъ же, какъ и я. Это очень хорошо, что Вашъ начальникъ строгій. Конечно, это хорошо только въ томъ случаѣ, если онъ вообще строгъ. Строгъ къ другимъ и къ себѣ. Тогда это—большая и очень благодѣтельная воспитательная сила.

Вотъ, подумайте: каждый годъ цвѣтъ страны идетъ въ армію. Вы на себѣ видите, какое воспитательное значеніе можетъ имѣть служба. Такъ, вотъ, представьте себѣ это дѣло „службы“ во всемъ объемѣ, и подумайте, какое великое значеніе оно можетъ имѣть для всего народа. Помните рассказъ Киплингъ „Смѣлые мореплаватели“ (Исторія одного мальчика, сына миллиардера, упавшаго съ парохода и вытащенного рыбаками)? И вотъ, мнѣ кажется, что на подобіе того, какъ жизнь на шкунѣ сдѣлала изъ мальчика „чело-

вѣка“, такъ точно, и въ большей степени, военная служба способна сдѣлать изъ мальчиковъ и юношей „мужей“ силы и совѣта. И главное, не смущайтесь, что подобнаго рода мысли не „въ фаворѣ“. Не въ фаворѣ ни у „лѣвыхъ“, ни у „правыхъ“, ни у всякихъ.

У того народа, который живъ и предназначенъ жить—такія мысли, хотя, можетъ, и несознанныя, должны быть въ „фаворѣ“.

Мнѣ сейчасъ вспомнился Николай Ростовъ изъ „Войны и мира“. Помните, какъ онъ ѣхалъ изъ Москвы въ полкъ, какъ въ родную семью, „гдѣ все ясно и просто“? И еще помните, какъ онъ хозяйничалъ, и какъ любили его мужики? И вотъ, мнѣ думается, что именно „полкъ“ воспиталъ въ немъ тѣ качества, за которыя его потомъ любили тѣ, которые отъ него зависѣли. И еще замѣтите, что онъ и на „свое хозяйство“ смотрѣлъ, какъ на „службу“. Онъ чувствовалъ, что кромѣ правъ у него „обязанности“. Въ этомъ, по-моему, все дѣло.

И я искренно убѣжденъ, что то сословіе или общество, которое утратитъ это чувство „обязанностей“, непременно должно сойти на нѣтъ—погибнуть.

И если это такъ, то, значить, военная служба, будящая въ людяхъ это чувство, благодѣтельна и полезна людямъ.

Насчетъ „разума“ я думаю такъ: для меня несомнѣнно, что кромѣ единой „Сущности“ нѣтъ ничего. Но формы проявленія различны.

Формы возникаютъ и исчезаютъ во времени (котораго тоже нѣтъ) и въ пространствѣ (котораго тоже нѣтъ).

Но для насъ и время и пространство какъ бы существуютъ.

И вотъ, во времени и въ пространствѣ можетъ быть борьба формъ—различныхъ проявленій, или, лучше, *свидѣній* этой единой Сущности. Эту борьбу мы называемъ жизнью во времени и пространствѣ, и изъ этой „мнимости“ мы должны сумѣть накопить „богатство“ для жизни истинной (въ времени и пространства).

И вотъ, наша человѣческая жизнь — какъ она представляется мнѣ—имѣетъ цѣлью рѣшеніе слѣдующей задачи: какъ, при наличности разума и не отрекаясь отъ него, сохранить вѣру въ жизнь. Какъ, будучи „мужами“, стать или остаться въ своемъ отношеніи къ жизни „дѣтьми“.

Теперь: есть ли разумъ мое?

Мнѣ думается, что раньше отвѣта на частный вопросъ надо уяснить себѣ, что такое собственно „я“ и все окружающее.

И если мы примемъ, что Сущность — имѣющая жизнь истинную, внѣ времени и пространства, едина для всего сущаго, то мое „я“ ступшевыается.—Ап. Павелъ говорилъ о Духѣ, душѣ и тѣлѣ. Вотъ этотъ Духъ и есть та единая Сущность, которая имѣетъ жизнь истинную. Душа и тѣло живы только потому, что они формы или сосуды Духа.

Разумъ, это—способность, свойство, временное проявленіе. Мыльный пузырь, живой лишь настолько, насколько имѣетъ Духа.

Ну, вотъ, я и говорю, что на нашемъ уровнѣ этотъ „пузырь“ имѣетъ тенденцію присваивать себѣ жизнь внѣвременную и этимъ отманиваетъ отъ жизни. Чувствуя или разумѣя, что самъ (разумъ) не имѣетъ жизни внѣвременной, разумъ отвергаетъ такую жизнь вообще и кончаетъ прямъмъ утвержденіемъ, что единой реальностью является смерть.

Съ точки зрѣнія Духа, и разумъ и чувства эфемерны, иллюзорны; они—миражъ, фантасмагорія. Но намъ приходится имѣть съ ними дѣло—и въ условіяхъ ихъ кажущейся реальности искать и находить жизнь истинную. Напишите мнѣ, пожалуйста, получили-ли Вы книгу по садоводству. Я просилъ книжный магазинъ выслать ее Вамъ.

Всего хорошаго.

Д. Х.

VI.

3 Мая 1911 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, Ваше письмо отъ 11 Апрѣля получилъ еще на прошлой недѣлѣ. Вопреки своему обыкновенію не отвѣтилъ сейчасъ же, а тамъ пошли „неотложныя“ дѣла.

Въ прошлое воскресенье приходили Ваша жена и сестра, незнакомая дѣвица и молодой человекъ. Слушали граммофонъ. Поговорить было некогда, т. к. была масса народа—пришли слушать граммофонъ.

Теперь есть очень хорошія пластинки духовнаго пѣнія.

Мнѣ было очень радостно читать Ваше письмо объ экзаменахъ, присягѣ и начинаніи дѣйствительной службы.

Вполнѣ понимаю Ваше чувство удовольствія, когда Ваша рота такъ отличилась.

Съ Вашимъ отношеніемъ къ „мнѣнію друзей“ я вполнѣ согласенъ, и мнѣ кажется, что угожденіе имъ, а не своему внутреннему чувству, было-бы актомъ трусости.

Я очень радъ, что Вы на собственномъ примѣрѣ увидѣли и почувствовали, что отказы отъ службы и присяги не всегда знаменуютъ „высшее“, а могутъ знаменовать и очень часто знаменуютъ низшее состояніе.

Этотъ вопросъ я часто дебатировала съ Львомъ Ник. и долженъ сказать, что онъ не поколебалъ моего мнѣнія. Я даже утверждаю, что вопреки ходячему мнѣнію, основанному на неудачныхъ и неясныхъ его выраженіяхъ, онъ въ общемъ скорѣе склонялся къ моему мнѣнію, чѣмъ къ тому, которое ему приписывалось наиболѣе ретивыми и поверхностными изъ его послѣдователей.

Въ настоящее время конфисковали 3 т. изъ изд. графини. Когда я это узналъ, то невольно воскликнулъ: „ну, и везетъ же толстовцамъ“. Дѣло въ томъ, что конфисковали наислабѣйшія изъ сочиненій Толстого. Такія, опровергнуть которыя легче легкаго, но для этого надо имѣть *вѣру*. Въ этихъ наиболѣе слабыхъ своихъ сочиненіяхъ Т. борется противъ самодержавія и Церкви, но борется такъ, что *вѣрующему* въ самодержавіе и православіе чрезвычайно легко и удобно, именно на основаніи этихъ сочиненій, показать преимущества самодержавія и православія.

Эти конфискованныя сочиненія могли бы служить для апологета самодержавія и православія отличнымъ трамплиномъ.

И вотъ, они конфискуются! То есть, другими словами: изъ гимнастическаго зала убираются „трамплины“!

Повторяю: съ большимъ удовольствіемъ читалъ Ваше письмо. Отъ души желаю Вамъ сохранить и развить Ваше теперешнее серьезное отношеніе къ службѣ и себѣ.

Вы какъ-то писали, что Вашъ начальникъ „строгій“. Это большое для Васъ счастье и помощь. „Строгость“, это—вѣдь, значитъ, опора и поддержка слабому въ минуты его слабости. Это значитъ: помощь „во-время“, а не тогда, когда человекъ такъ распустился, что и поправить уже нельзя.

Деньги послалъ я и нахожу, что Вы сдѣлали изъ нихъ очень хорошее употребленіе.

Здоровье мое плохо. Хандра, тоска и досада. Весна очень сухая и для посѣвовъ неблагоприятная.

Пчелы вышли изъ зимовки хорошо. Меньше пропажи, чѣмъ въ прошломъ году. Кругомъ $\frac{3}{4}$ пасѣкъ пропало. Такъ во всемъ уѣздѣ.

Гусеница съѣла весь листъ. У меня была обобрана осенью. Яблокъ почти что нѣтъ.

Цыплятъ много. Начали лупиться въ концѣ марта. 3 кроличихи пропало. Думаю, отъ недосмотра.

Въ Харьковѣ на выставкѣ купилъ бычка и телку Ольденбургской породы (бѣлые съ чернымъ) и одного поросенка. Приходится строить для нихъ помѣщеніе.

Когда заходила Ваша жена, просилъ ее прійти въ будни, когда меньше народа.

Ну, вотъ и все. Крѣпко жму Вашу руку.

Д. Х.

VII.

14 Іюля 1911 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, давненько уже не писалъ Вамъ. Оба Ваши письма получилъ. Последнее отъ 20-го іюня. Я совершенно согласенъ съ тѣмъ, что Вы пишете о службѣ. Вмѣстѣ съ Вами радуюсь тому, что смотрѣ сошелъ такъ блестяще. Что же касается до неправильнаго отношенія начальства къ солдатамъ, то, вѣдь, тутъ главную роль играетъ неспособность властвовать. У того начальника, у котораго нѣтъ чувства владычества, строгость будетъ непременно изуродована. И это потому, что у такого человѣка всегда за порогомъ сознанія лежитъ мысль о томъ, что его могутъ не послушаться. У прирожденнаго владыки такой мысли быть не можетъ.

Что же касается до сквернословія, то это просто дурная привычка, подобная привычкѣ ѣсть ножемъ. И подобно тому, какъ въ извѣстныхъ слояхъ общества никого не коробитъ видъ человѣка, который суетъ ножъ въ ротъ, такъ точно и сквернословіе никого не коробитъ. Тутъ въ обоихъ случаяхъ проявляется неблаговоспитанность, и больше ничего.

Вотъ почему это сквернословіе такъ трудно искоренимо.

Корень его въ плохомъ—плебейскомъ—воспитаніи съ малолѣтства.

Недавно былъ въ Москвѣ. И меня поразило „висящее въ воздухѣ“ сквернословіе. У насъ ничего подобнаго нѣтъ. Мы, въ Малороссіи, культурнѣе и аристократичнѣе. И не потому, что мы лучше относимся къ другимъ, а потому, что лучше относимся къ себѣ. Не пачкаемъ себѣ рта скверными словами. Въ Москвѣ человѣкъ не можетъ рассказать чего-нибудь пріятелю, чтобы не пересыпать своей рѣчи матерщиной. Онъ можетъ быть прекрасный, гуманнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ,—но плохо воспитанъ. Въ немъ не воспитано уваженіе къ своему рту. Это и есть отличительная черта „плебейскаго“ воспитанія.

Очень былъ радъ узнать, что Вы будете въ учебной командѣ. И не столько изъ-за теперешней Вашей службы, сколько изъ-за будущей, т.-е. службы учителя. Вы сможете, съ знаніемъ дѣла, обучить дѣтей гимнастикѣ, строю и сформировать „потѣшную роту“, и, что также важно, примѣромъ вліять на другія училища и показать, какъ надо дѣлать это дѣло.

Урожай у насъ хорошій. Жито уже косятъ. Овсы хороши. Ячмень, просо—плоховаты, но не плохи. Гречиха очень хороша. Бураки поправились и будутъ хороши. Медъ выкачивалъ 1 разъ, выкачалъ до 50 пудовъ. Теперь есть еще гречиха, и все дѣло за погодой. Нѣсколько дней взятка, и можно будетъ еще разъ выкачивать. Кроликовъ набралось уже 45 штукъ, и я, наконецъ, рѣшилъ, какія разводить породы. Остановился на бельгійскихъ и вѣнскихъ голубыхъ.

Я писалъ Вамъ, что купилъ на выставкѣ въ Харьковѣ бычка и телку Ольденбургской породы. Теперь еще купилъ двухъ телокъ той же породы.

Недѣли 2 тому назадъ заходила Ваша супруга. Она мнѣ говорила, что пошлетъ вамъ книгу „Астральный планъ“.

Книгу эту читалъ лѣтъ 20 тому назадъ и совершенно не помню. Осталось такое впечатлѣніе, что кое-что извлечь можно. Но мало.

Бду сегодня въ Полтаву. Тамъ теперь ярмарка, и надо купить верховую лошадь для младшаго сына.

Пишите мнѣ о своей службѣ и вообще о себѣ. Напишите, какъ въ учебной командѣ. Трудно ли?

Всего хорошаго. Крѣпко жму руку.

Д. Х.

VIII.

31 Августа 1911 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, Ваше письмо отъ 27 числа получилъ. Поздравляю съ окончаніемъ экзаменовъ. Я очень радъ, что все сошло хорошо. Я писалъ Вамъ въ Красное Село. Получили-ли Вы это письмо?

Недавно вернулся изъ Петербурга, куда ѣздилъ на Царско-сельскую выставку. Выставка не особенная, но само Царское очень мнѣ понравилось. И вотъ, подите-же. Служилъ тамъ, жилъ тамъ и никакой этой красоты не видѣлъ. Наводить на размышленіе о томъ, какъ мало мы видимъ изъ того, что видимъ, и какъ мало мы слышимъ изъ того, что слышимъ. Значить, безъ соотношенія извѣстнаго между внутреннимъ и вѣшнимъ—нѣтъ жизни. Значить, жизнь, это—извѣстное соотношеніе.

Значить, „мастеръ своего дѣла“, это—тотъ, въ комъ есть соотношеніе нужное. И это прирожденное. Значить, все — искусство. Кучеръ, могущій ѣхать „безъ кнута“, и начальникъ, могущій управлять безъ „крика“ и скандаловъ — мастера своего дѣла, т.е. обладаютъ извѣстными *прирожденными* качествами, которыхъ лишены неудачные кучера и начальники.

Меня заинтересовало представленіе Вашихъ товарищей, что „за границей“ нѣтъ гимнастики и „очень легко“. И, вѣдь, это нелѣпое представленіе господствуетъ во всѣхъ сферахъ жизни. Это представленіе больныхъ и разслабленныхъ.

Интиллегенты, тѣ мыслятъ такъ: наука дастъ намъ легкую жизнь! Мнѣ кажется, что такое представленіе развращаетъ и разслабляетъ людей. Жизнь не можетъ и не должна становиться легкой. Если увеличиваются силы, то соответственно расширяются и задачи. И если задачи *не* расширяются, и жизнь при увеличеніи силъ становится *легкой*, то это вѣрный признакъ смерти, вымиранія.

Весь сентябрь мнѣ придется путешествовать: 4-го ѣду на пчеловодную выставку въ Харьковъ, 8-го въ Полтаву, на ярмарку и выставку птицеводства. Около 14-го въ Ростовъ, на конскую выставку. А послѣ этого опять въ Полтаву до 25-го сентября.

Недѣли двѣ тому назадъ приходила Ваша жена. Говорила, что Вашъ товарищъ, который на Амурѣ, къ Новому году прїѣдетъ домой. Сынъ Вашъ здоровъ и растетъ.

Всего хорошаго.

Крѣпко жму руку.

Д. Х.

IX.

30 Января 1912 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письмо Ваше отъ 16-го числа получилъ сегодня. Мнѣ его переслали сюда, въ Петербургъ—откуда и пишу Вамъ.

Я радъ, что у Васъ теперь больше занятій. Все-же не такъ скучно. По вопросу о томъ, можно-ли заставить себя слушать безъ грубости, я думаю такъ: 1) Есть прирожденные начальники—для таковыхъ грубость не нужна. Для воронъ же въ павлиньихъ перьяхъ—грубость подчасъ необходима. Но въ военномъ—опасномъ—дѣлѣ, она ни къ чему, т. к. смерть страшнѣе какой бы то ни было грубости. Нельзя грубостью одной вести на смерть, потому что смерть страшнѣе грубости.

2) Всякій нравственный авторитетъ, кромѣ прирожденныхъ качествъ, нуждается въ извѣстнаго рода „поведеніи“: поведеніи по отношенію къ службѣ, подчиненнымъ и начальникамъ.

А) По отношенію къ службѣ: „честность“, во всемъ объемѣ этого слова. Б) По отношенію къ подчиненнымъ: требовательность такая же, какъ къ себѣ. Нельзя взыскивать за то, что самъ себѣ „позволяешь“. А т. к. „честность“ требуетъ, чтобы самъ себѣ *ничего* не позволялъ, то, значить, надо взыскивать за всякое упущеніе, какъ бы оно ни было незначительно, и никогда не прощать. Да и нельзя прощать! Это, вѣдь, глупо, ибо взыскивается не за себя, а за службу. В) по отношенію къ начальству—полная „открытость“. Никогда не дѣлать ничего „тайнаго“. Никогда не представляться „лучше“, чѣмъ есть. Никогда не стараться показаться болѣе знающимъ, чѣмъ есть.

Только тогда, когда можешь открыто смотрѣть въ глаза начальнику, только тогда можешь имѣть нравственное вліяніе на подчиненныхъ.

Изъ этого выводъ тотъ, что лучше не получать писемъ, чѣмъ получать ихъ по внѣшнему адресу. По крайней мѣрѣ, я бы не дѣлалъ этого, и мнѣ неприятно это дѣлать.

Я приѣхалъ сюда по случаю болѣзни сына. Между 1-2-3 я бываю на квартирѣ своей матери,—Захарьевская № 16.

На дняхъ я рассказывалъ одному полковнику Генеральнаго Штаба, который скоро получаетъ полкъ, Вашу исторію. Всего хорошаго. Крѣпко жму руку.

Въ концѣ недѣли ѣду домой. Д. Х.

Х.

7 Марта 1912 г.

Дорогой Николай Васильевичъ, письмо Ваше отъ 1-го Марта получилъ. Очень былъ радъ получить отъ Васъ вѣсточку, хотя и печально узнать, что настроеніе у Васъ плохое.

Чаще пишете. Мнѣ кажется, что это поможетъ. Сужу по себѣ. Одно время, очень давно, жилъ въ такомъ мѣстѣ (на Араксѣ), куда, въ то время, почта приходила 1 разъ въ мѣсяцъ. Помню, какъ ждалъ писемъ и ими только и жилъ. Получивъ, долго носилъ въ карманѣ и не читалъ. Носилъ день и два. Ночью, просыпаясь, вспоминалъ, что у меня есть письмо, и „блаженно засыпалъ“.

Мнѣ было тогда 20 лѣтъ. И вотъ, зная свое настроеніе, я былъ очень озабоченъ о томъ, какъ и чѣмъ поддержать казаконъ,—которымъ, конечно, было труднѣй еще, чѣмъ мнѣ „сохранить равновѣсіе“. Въ это же время тамъ стоялъ 139 пѣх. Дербентскій полкъ. Командиръ полка ничего не дѣлалъ, чтобы поддержать „равновѣсіе“ солдатъ. И вотъ, каждый праздникъ, несмотря на чрезвычайную строгость командира полка, солдаты десятками пьяные валялись по городу (Кагызманъ).

Для меня это былъ „предметный“ урокъ по психологін массъ и по управленію ими. Примѣры Суворова, Скобелева совсѣмъ забыты. Даже забыты указанія Драгомирова. И это очень жаль.

Я это все къ тому, чтобы сказать, что Ваше настроеніе мнѣ знакомо. И видѣлъ и самъ переживалъ.

И это совсѣмъ не знаменуетъ пустоты, а лишь знаменуетъ

процессъ роста. Это кризисы духовнаго роста. И мнѣ кажется, что при этомъ самое разумное, это—„спокойствіе“ и стараніе удержать свою позицію, т. е. не спускаться—хотя бы и безъ поднятія.

И я еще думаю, что вѣра въ Бога не есть умственный процессъ, а сердечное настроеніе. Настроеніе чувства. И вызывать ее искусственно, личными стараніями, нельзя.

Про одного короля древности рассказываютъ, что, когда ему былъ проповѣданъ Христосъ, онъ, слушая рассказъ о страданіяхъ Иисуса Христа, о Его распятіи, воскликнулъ: „Ахъ, отчего меня тамъ не было съ моими воинами!“ Очевидно, этотъ король ничего не понялъ „богословски“, „умственно“, но также очевидно, что „недалекъ онъ былъ отъ Царства Небеснаго“.

И еще рассказываютъ про другого: когда ему монахъ сказалъ про рай и адъ, онъ спросилъ: „а гдѣ будутъ мои боевые товарищи“? И когда монахъ объяснилъ, что они, какъ некрещеные, будутъ въ аду, онъ сказалъ: „Въ такомъ случаѣ и я не буду креститься, ибо не хочу разлучаться съ товарищами“. И про этого можно сказать, что и онъ „недалекъ былъ отъ Царства Небеснаго“.

Недавно мнѣ нечаянно попалась очень интересная книга: Лодыженскаго — „Сверхсознаніе“. Цѣна 2 рубля. Если-бы Вамъ разрѣшили ее купить, то очень бы совѣтовалъ прочесть.

Авторъ удивительно вѣрно и хорошо опредѣляетъ Христіанство и показываетъ разницу его съ Буддизмомъ ¹⁾.

Удивительно хорошо разобрано ученіе разныхъ христіанскихъ подвижниковъ, и отлично опредѣлена разница между отношеніемъ къ Христову ученію т. н. интеллигенціи и простыхъ людей.

Еще интересна книга В. Соловьева: „Три разговора“. Это—серьезное возраженіе Л. Н. Толстому на его воззрѣніе на Христіанство.

---

¹⁾ Д. А.—чь преувеличиваетъ достоинства этого труда. Самъ авторъ книги „Сверхсознаніе“ въ предисловіи къ послѣднему изданію сознается, что въ первомъ изданіи этой книги онъ неправильно оцѣнилъ путь іоговъ, который онъ теперь признаетъ не параллельнымъ, а внутренне враждебнымъ христіанству. М. Н.

Для меня объ книги сводятся къ отвѣту на вопросъ: Есть-ли христіанство ученіе разума или ученіе сердца?

Толстой, какъ Вы знаете, отвѣчалъ: „это ученіе разума“ и даже перевелъ слово „Логосъ“ словомъ „Разумѣніе“.

Я съ этимъ несогласенъ. Я думаю, что Христіанство—ученіе сердца.

Лодыженскій въ своей книгѣ показываетъ, что всѣ древніе подвижники именно такъ и смотрѣли.

Только не покупайте книги Лодыженскаго безъ спроса. А то зачѣмъ-же тратить деньги понапрасну?

Снѣга у насъ еще много. Постепенно таетъ, и вода уходитъ въ землю, что очень полезно, т. к. осенью она была совершенно суха.

Ну, до свиданья. Не унывайте. Самое главное, не унывайте. Древніе подвижники христіанскіе смотрѣли на уныніе, какъ на величайшій грѣхъ. Особенно вредный для челоуѣка. Читали ли Вы книгу Киплинга „Кимъ“?

Я Киплинга чуть ли не наизусть знаю. Теперь увлеченъ Джекомъ Лондономъ.

Жму руку.

Д. Х.

Сообщилъ М. Новоселовъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
